

Михайлов Юрий

17.4.02

1101

Философия бересты

Мариинский художник возродил древний промысел

Культура. — 2002. —
11-17 апр. — с. 4

Трудно сейчас представить Мариинск таким, каким был он более 150 лет назад: сибирский тракт — печально известная канальная дорога — проходил по самому центру уездного городка и был единственной и главной его улицей. Не случайно такой мастер, как Юрий Михайлов, появился именно в Мариинске — старинном городке, прошлое которого живет в памяти деревянных кружев, в песнях — протяжных, вольных, сердечных.

Бересте предпочитаем мы сегодня фарфор, стекло, фаянс. А между тем им потягаться еще с берестой! И не только красотой и неповторимостью каждого изделия. Надолго оставался холодным квас в туесе (хоть на покос возьми, хоть в дорогу), молоко не скисало по неделе, а хлеб, обернутый берестой, оставался душистым и мягким. ...Вот они, туеса, теснятся на полках, один на другой непохожие: где тонко и радостно расписанные красками сибирских трав, ягод, где гладкие, ровные, без сучка, без задоринки — чистые своей белизной. Все их создал художник Юрий Михайлов, который возродил в Мариинске старинный народный промысел.

Такую красоту по нынешним временам вроде и в хозяйстве использовать жалко. "Если они просто стоят, как сувенирные, пылятся, они вроде как отмирают. А вот если они используются на кухне под соль, под сухари, мед, под квас, используются в полную меру, то они становятся красивыми, обтираются, как старинное оружие. Говорили: оружие красиво, когда оно блестит естественным блеском от тепла человеческой ладони. Так и туеса. Чуть-чуть где-то, может, перекосятся, чуть-чуть края где-то закатаются, крышечка притретется. И такой сувенир — от души, потому что тепло дерева несет", — считает Юрий.

Истинное или "а-ля русс"?

Обидно иной раз бывает смотреть на выставленную в витринах магазинов продукцию, которая почему-то называется "художественными изделиями народных промыслов". Какая художественность в оплетенных винных бутылках или бутылках-сигаретницах, самшитом отделанных? Чего только нет на таких прилавках: деревянные чарочки, кособоки, раскрашенные в ядовито-зеленый

цвет, наскоро выструганные ложки... Словом, аляповатый китч, который глаз не радует и пользы не приносит... Еще обиднее, что выдаются они за народные промысловые поделки. А ведь ничего общего с народными не имеют...

Вот и Юрия настораживает: если встанет на поток (когда-нибудь в будущем), то как бы у него не появились разногласия в душе. Ведь потребуется стандарт определенный. Трудно сохранить особое, внимательное отношение к каждому туесу. Есть росписи традиционные, чисто народные, а есть те, что мастер мариинский сам вводит. Почему бы не расписать изделие берестяное ягодами сибирскими неброскими, самцветами изящными, но не яркими? Или взять фольклорные мотивы, частушки? Живописные бытовые сценки счастливо уживаются на его туесах рядом с травяными росписями.

— Конечно, — сознается он, — давно состоявшиеся вещи, дошедшие до нас, безусловно, отпечаток свой на современное творчество накладывают. Трудно от них сразу отойти, чтобы гармонии бересты не нарушить...

Но на то Юрий и художник. За основу лишь прием сам взял — изготовление туеса, а наряд его, декор, — это уже свое, найденное в долгих спорах и пробах. Потому-то и каждый туес один на другой не похож.

Ему говорят часто: "Росписи твои на иллюстрации похожи. Работать попроще..."

— А как можно проще работать? Делать под народное? Да ведь это предательство. На нет можно так народное свести.

Сибирский винегрет

Спорит со мной Юрий Михайлов отчаянно: нет, не ушли от нас прекрасные ремесла народные, обряды, таинства, песни русские. Быва-

ет, затянет Юрий с друзьями мелодию, на несколько голосов ее раскладывая, ту, что слышали от бабушек своих. Или соберутся под Рождество лихой, развеселой компанией, всю ночь с шутками-прибаутками по домам ходят — колядуют. Свадьбы гуляют обрядовые. Все, как положено: с песнями, с плачем, со сватаньем. Частушек знают множество.

Много теплых слов услышала я от Юрия и о стариках. Уходят они из жизни, но секреты с собой не забывают — перенимает у них мастер самотытность, открытость, щедрость. Взял за правило, как бы в дань перед ними — не таить того, чем владеет, а делиться. Пусть каждый (если есть желание) осваивает, детей учит. "Только так и можно возродить и создать свой промысел, — рассуждает. — Законсервировать как эталон, как образец, а затем добавлять новое, свое".

Нелегко мариинцу творить в продолжение традиций. При работе по бересте есть образцы Севера русского, те, что общеприняты давно, — классика. А в Сибири...

...Шли, ехали в Сибирь переселенцы. Из Рязанской губернии свое везли, из Тамбовской, Тульской — свое. Вот такой винегрет получился. А теперь попробуй разберись: какая исконно сибирская культура?

По колориту, по сложившемуся мнению, должно быть вроде все такое крепкое, коренное... Вот и мастерам из города сибирского слышать не раз приходилось: туески должны быть ваши кряжистые... А они не согласны. Почему в Сибири не может быть туес изящный, высокий? Полет души отразить...

Есть у Михайлова мечта — посвятить серию работ городу. Уходит его неповторимость в прошлое, на глазах дома рушатся. А ведь Кемерово — центра областного — еще и в помине не было, а Мариинск уже звучал в Санкт-Петербурге.

Золотое сечение

Заметил Михайлов особенность: везет туеса на выставки в большие города — Москву, Киев, — и там, особенно в среде художников, интерес особенный к изделиям чистым, гладким и резным, не наделанным красками, отмеченным печатью

простоты. К расписным относятся с осторожностью.

В городах малых — наоборот. К расписным тянутся: в руки берут. Пропитанные тонким, изящным рисунком туеса притягивают внимание. Думал над этим немало. Отчего так? А, может, оттого, что уровень жизни, интерьеры сильно разнятся? Там, где интерьеры богаче, площади роскошные, парки усеяны цветами, архитектура высокая, насыщенная, тянутся люди к народному, им изделия нужны попроще. А у нас и дома, и скверы посерее (что скрывать?). И радуют глаз больше туеса цветные, радужные.

Да так издавна повелось: не было у крестьянина возможности иметь столовые сервизы, посуду изящную. Свою делал — удобную, простую в обращении, но особенную — с резьбой замысловатой.

Вот и мастера мариинского естественный, чистый туес не удовлетворяет.

— Откровенно говоря, не для выставок работаю, — говорит. — Для чего занимаюсь? Однозначно не ответишь. Можно сказать: хочется, и все тут. Пусть так будет: хочется... Потребность души — здесь все. И вряд ли пойду по иному пути, накатанному.

О бересте мастер мог говорить так, словно это живое существо со своей судьбой, своим прошлым, будущим. А может, и в самом деле живое?..

— По крайней мере, я поражаюсь: вроде что тут? — взял поясень бересты, надел на него рубашку, опоясал, сделал донышко — готово! Что тут говорить? Но берешь в руки бересту — философствуешь... Сам с собой, с людьми, с природой, со временем говоришь. Единение с природой чувствуешь, проникаешь в то время, когда этим занимался какой-то человек, и вроде соприкасаешься с ним, разговариваешь наедине... Удивительное свойство бересты.

Вот стоят три туеса — набор таежный: брусника, клюква, а это черника — неяркие лесные ягоды. Береста, что пошла на туески, бросовая. Пятнистая, вроде и в дело не годится: где-то жуками изъедена, червоточинами. Но не выбро-

сил ее мастер. Сделал изделие с росписью, заполнил пестринки красками, белая оплетка, решенная в современном варианте, подчеркнула при всей корявости материала особенную красоту его. Оплетка, что белоснежный таежный снег на валежниках, горях, завалах. И роспись к месту села, и пестринки легли к месту.

— Работаешь с берестой — ощущаешь эту глыбу народную... ничего лишнего нет: ни убавить, ни прибавить.

Марина
АЛЕКСАНДРОВА
Фото Александра ЭПШТЕЙНА
Кемерово